

Комсомолец 23 МАЯ 1981
г. Ереван

Вильям Сароян: «Я верю в доброту человеческую»

Угасло одно из самых ярких светил армянского гения — не стало Вильяма Сарояна. Он не раз говорил и вновь, по-детски ликуя, повторял, что когда его спрашивают, как долго бы он хотел прожить, он не может точно сказать, потому что, когда ему исполнилось пятьдесят, хотел дожить до шестидесяти, а в шестьдесят — до семидесяти, а в семьдесят хочет дожить до восьмидесяти и так бесконечно, потому что любопытно, что будет тогда. Он говорил: «Интересно, какие изменения претерпят к тому времени люди и мир?»

Характеризуя величие Вильяма Сарояна, мы всегда перечисляем такие его качества, как доброта, чистота, человеколюбие, благородство, но все это несколько абстрагированные понятия для того, чтобы познать его конкретное величие. Эти качества были присущи и другим

великим творцам мировой литературы, предшественникам и современникам Вильяма Сарояна. По-моему, особенность величия Сарояна в том, что он является носителем всех перечисленных качеств, будучи сыном народа, пережившего резню. И вместо того, чтобы пропитаться горечью осознания столь ужасного факта, он вобрал в себя добро и человеколюбие.

Я редко встречал людей такой величины, как Сароян. Пожалуй, он был единственным исключением. И я наблюдал, как обыкновенные явления преображались за его светлым челом, тотчас же обретая силу всеобъемлющего обобщения — простые, незатейливые, как прожилки на камне, оставленные веками.

То армянское, которым Вильям Сароян одарил весь мир, как величайшим благом, останется навсегда у всех на-

родов как еще одна форма существования нашего народа, достойная неугасающего восхищения.

Его связь с Арменией не могла именоваться обычной, он хотел всесторонне познать эту страну, познать так, как познал самого себя. И посещая Армению, он иногда вел себя по-мальчишески безрассудно, стремясь за короткий срок, в течение нескольких дней прожить на земле армянской свои детство, юность, зрелость.

Он объявил себя армянином лишь в годы, когда почувствовал, что в Фресно не так уж хорошо относятся к армянам.

Совсем еще юным он понял, что несправедливы к народу, у которого есть несметные духовные богатства и решил эти богатства подарить людям иных национальностей, окружавшим его, не озлобляясь против них, а вновь

творя для них добро: «Они были темны, многого не знали, потом, когда поняли и узнали, очень полюбили наш народ».

Сароян писал: «Люди, рожденные добрыми, достойны лучшего мира, чем этот. Значит, лучший мир должен строиться людьми. Я верю в доброту человеческую».

И еще он писал: «Мое оружие против злых сил мира — беспристрастный взгляд, откровенная мысль, чистое сердце и беспокойная душа, которые заставляют меня писать».

Окидывая взглядом литературное наследие, оставленное Сарояном, мы невольно думаем о том, что даже после своего ухода он не оставил места для скорби, так велико и разносторонне богато это наследие. Во время своих встреч с ним я глубоко убедился в том, что все, что Сароян дал миру, лишь ма-

лая толика того огромного океана, который бушевал в нем. Видимо, по этой причине Сароян не страшился жизни, не жаловался на иссякание творческих сил, не скукал и считал десятилетия жизни до ста и более, не представляя, когда сможет воплотить в произведения все свое духовное богатство. За несколько недель наших встреч с Сарояном, множество людей, общавшихся с ним, рассказали множество интересных случаев, и истории эти еще не исчерпаны, наоборот, вспоминаются все новые и новые.

Было холодно. Стояла осень. Мы шли с Сарояном и Леоном Мкртчяном по Гоголевскому бульвару в Ленинграде. Вдруг он заметил детей, притаившихся в дупле дерева. На миг взглянул в их сторону, повернулся ко мне, схватил за локоть и сказал: «Это желание чело-

века иметь дом». Лишь спустя много времени, я понял, что сказанное относилось к его жгучему желанию иметь родину. Я осознал это, когда в Ереване он сказал, что нам не понять его, потому что мы родились на своей родине и не можем понять его желание — иметь родину. В себе он нес неизмеримо больше родины, чем мечтал обрести. «Я всегда был армянским писателем, только писал на английском языке», — говорил он.

Сама мысль о Вильяме Сарояне имеет живительную силу и потому невозможно соотносить его с идеей смерти. Его будут помнить все, кто хотя бы однажды видел его щедрую улыбку, слышал гулкий голос, кто читал хотя бы одну его новеллу. Его будут помнить все те гвозди и пуговицы, которые он подбирал на улицах Нью-Йорка,

Парижа, Лондона, Хельсинки, Ленинграда, Москвы, Еревана... Он подбирал их, наполнял ими широкие карманы белого плаща, чтобы потом прибить к ограде своего дома во Фресно. Он делал это потому, что был рад вернуть людям то, что было создано как благо, и он не давал пропасть этому благу. И эти гвозди и пуговицы будут помнить его, потому что хранят на себе ощущение его живительной руки, а жизнь их, к сожалению, гораздо дольше, чем человеческая.

Великий странник обрел приют. Но где?..

Со всех концов света добрые люди земли придут поклониться могиле Вильяма Сарояна, и травы, и земля, и свет будут улыбаться им, как улыбался он при жизни.

Размик ДАВОЯН.

